

КРОКОДИЛ

«Там, где не в чести критика и самокритика, где недостает гласности в общественных делах, наносится прямой ущерб активности масс».

Из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Критика

Рисунок М. БИТНОГО

«Энергетик плавильного цеха нашего «Вторчермета» обесточил разгрузочную эстакаду, где грузчики разгружают пульманы с сырьем. То освещались мы факелами, то стали жечь спички... Это называется экономией, но на самом деле теряется больше, чем экономится».

В. СМИРНОВ,
г. Сухой Лог,
Свердловская область.

ТРЕБУЮТСЯ ПАВИАНЫ

Когда охотники из африканских деревень близ горы Килиманджаро охотились на леопардов, меньше всего они могли предполагать, что охотничья удача обернется для них хозяйственной катастрофой. И хотя охотились они не только ради шкур, а главным образом для того, чтобы сэкономить на домашних животных, которые становились добычей хищников, случилось именно так. Как только уменьшилось количество леопардов — естественных врагов обезьян, необыкновенно расплодились павианы. Полчища их стали совершать набеги на плантации, уничтожая посевы.

Увы, рассчитать последствия своих поступков в экологических системах довольно трудно. Но, похоже, дело обстоит так и не только в экологии. Я вспомнил историю с леопардами и обезьянами, когда попал на днях в гигантскую пробку. Сотни машин — бампер к бамперу — стояли на оживленной московской магистрали, раздраженно вибрируя в облаках выхлопных газов. Злые водители вылезали из автомобилей и нетерпеливо всматривались вдаль. А вдали несколько дорожных рабочих неторопливо чинили асфальтовое покрытие.

Через полчаса мне удалось добраться до дорожников.

— Скажите, а разве нельзя было проделать эту работу поздно вечером или даже ночью, когда движение стихает? — спросил я мастера.

— Не, нельзя,— убежденно покачал головой мастер.— А то ведь придется сверхурочные платить. А мы боремся за экономию...

Вот тут-то и вспомнились фельетонисту павианы. На его глазах с плеч мастера сполз коричневый пиджачок и вместо него появилась леопардовая шкура. В руках дорожник держал копье. Бедняга, он, увы, и представить себе не мог, что на свете существует волшебная наука арифметика. И что с ее помощью можно складывать и вычитать. И что если подбить, сколько стоят сотни человеко-и машино-часов, съеденных пробкой, сколько сожжено понапрасну бензина, то сумма во много раз перекроет те десять — пятнадцать рублей, которые якобы экономят дорожники.

Еще об одном истребителе леопардов пишет нам читатель В. Смирнов из Свердловской области. Ведь выключая свет на эстакаде, где работают грузчики, можно было, если, конечно, очень постараться, представить себе, что грузчикам будет неудобно. Они ведь не совы и не филины. Совы и филины, как нам удалось выяснить, на предприятиях «Вторчермета» не работают. А людям в темноте разгружать вагоны несподручно. И работают они медленнее, и травм больше, и освещать они пытаются рабочее место чем придется, факелами, например, от которых, между прочим, у них на заводе уже сгорел вагон. А ведь энергетик, обесточивший разгрузочную эстакаду, был уверен, что и он экономит.

С охотниками из района Килиманджаро было проще. Визжащие павианы быстро продемонстрировали им, что бывает, когда люди не умеют предвидеть последствия своих поступков. С нашими отечественными любителями псевдоэкономии сложнее. Нет, увы, на них павианов! Полчища обезьян не набрасываются с воплями на людей, которые, экономя копейки, теряют рубли...

А может быть, все-таки обратиться во Внешторг? Вдруг павианы нынче не очень дороги?

Фельетонист

Рисунок В. ШКАРБАНА

ШКОЛЬНАЯ ПРИВЫЧКА

Автор фельетона «Что такое очень плохо» побывал в башне со ступенчатыми стенами, встретился с чудо-богатырями и неожиданно раскрыл секрет превращения незавершенного и несовершенного в свершенное и совершенное... (см. стр. 6).

Во саду ли, в огороде...

Если бы не было вредителей, как бы тогда прибавили в весе садоводы!

●

Никто не кланяется матушке-земле так низко, как огородник.

●

В саду порхали только бабочки и пчелы, да и то по делу.

●

Про садовника говорили, что он гребет деньги лопатой, а он греб лопатой навоз.

●

Выставка собак в дачном поселке увенчалась полным триумфом: псы загрызли судей.

Мануил СЕМЕНОВ

Чья же рука — владыка?

— Своя рука владыка,— изрек Ян Смит и учинил в Родезии такие выборы, какие ему хотелось. Действуя все тою же волосатой владыкой в белом манжете, Смит установил в Родезии «правление черного большинства». При этом он исхитрился предоставить означенному большинству самый крошечный минимум власти. Правильнее сказать, одну видимость власти. «Белые по крайней мере еще на десять лет сохранят решающий голос в юридических вопросах, в делах гражданского управления, полиции и армии, что совсем неплохо для группы, составляющей менее четырех процентов родезийского населения»,— довольно хихикнул американский журнал «Тайм».

Не напрягая бицепса своей владетельной руки, главарь родезийских расистов играючи усадил епископа Музореву в кресло премьер-министра. Премьер оказался упоительно легким и удобным в обращении. Дернешь за веревочку — сгибается в поклоне, дернешь другую — приятственным тембром осведомляется: «Чего изволите?»

Прежде всего Смит соизволил послать свою игрушку в Вашингтон и Лондон — пусть и там потешатся. В Белом доме и на Даунинг-стрит, 10, кукольное представление Музоревы прошло с огромным успехом. Его даже признали «де-факто».

Да и сам Смит тоже, в сущности, инструмент в дланях мощных монополий. Точнее, зажигалка. Когда от рук смитовых диверсантов горят дома и нефтехранилища у соседей — в Мозамбике, Ботсване, Замбии,— зри, кто щелкает зажигалкой. Эти диверсии — месть неоколонизаторов тем африканским странам, которые поддерживают Патриотический фронт Зимбабве, справедливо считая его, а не марионетку Музореву, подлинным представителем народа...

Мы не знаем, моет ли рука руку после того, как из юаровских рук в британские переходят деньги, а из британских в обратном направлении — цистерны с нефтью, но операция эта грязная. Правительство консерваторов решило без ограничений и стеснений снабжать нефтью режим апартеида в ЮАР, и нет таких санитарно-гигиенических средств, коими Лондон мог бы отмыть после этого свою репутацию...

Однако раньше или позже (судя по всему, раньше) подлинный хозяин континента — народ Африки даст по рукам засидевшимся захребетникам. И вот уж тогда всем окончательно станет ясно, чья рука — владыка!

Дежурный комментатор
И. СТЕПАНОВ.

ОН ГОЛОСУЕТ ЗА ЧЕРНЫХ...

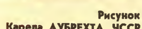

Рисунок Карела АУБРЕХТА, ЧССР

МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАЖИГАЛКА

Рисунок В. ГИНУКОВА

ЧУДЕСА ДРЕССИРОВКИ

Рисунок А. КРЫЛОВА

У моих подшефных

Б. ВОРОБЬЕВ, Мих. КАЗОВСКИЙ, Г. МАРЧИК,
специальные корреспонденты Крокодила

В городе Краснокамске не спеша торговали квасом и свежими огурцами. Над крышами кирпичных и деревянных домов висела девственная тишина. Возле гостиницы на лавке сидели смуглые шабашники в ярких сорочках и болтали на темпераментном кавказском языке. На городском базаре споро расходились лакированные картинки с целующимися голубками. Был понедельник, светило солнце, термометр показывал двадцать один градус.

Мы вылезли из машины.

— Какая тишина! — сказали мы и сладко зажмурились.— Какой воздух!

— Это временно,— рассеяли наши иллюзии товарищи с бумкомбината.— Потом тишины будет поменьше и воздух погуще. Останов у нас...

— Кто? — не поняли мы.— Ревизор? Из министерства?

— Да нет... Наш он. Плановый.

И пояснили: раз в год, в мае, Камский целлюлозно-бумажный комбинат останавливается для профилактики. Меняют отработанные детали, чистят оборудование... А на производственном языке это и называется — «останов»...

— Правда, раньше, когда комбинат работал хорошо, его останавливали почти на месяц,— продолжали наши собеседники.— Сейчас решили: неделя. Но ограничимся, наверное, тремя днями. Чтобы не провалить план окончательно...

Да, урезанный, сжатый до предела останов достаточно ярко говорил о бедственном положении комбината...

* * *

Читатель, наверное, помнит, что «Крокодил» взял над Камским ЦБК шефство[1]. Читатель уже информирован о том, что комбинат, этот «Магнитострой бумажной промышленности», как его называли в первые пятилетки, заработал в 1936 году и для того времени был пределом мечтаний. Комбинат выпускал тогда 100 тысяч тонн бумаги и примерно столько же целлюлозы ежегодно. И этого хватало. Машины были крепкие, хорошие, постоянно наращивали производительность. Комбинат хвалили. Ему вручали грамоты и знамена. Рабочие и служащие получали премии. Возле отдела кадров змеились очереди желающих поступить на комбинат.

— Ах, вас уволили с другого производства за прогулы и пьянки? — придирчиво говорили тогда в отделе кадров.— Так что ж, вы считаете, у нас выпивать и прогуливать будет легче? Извини-ите...

И не брали. А теперь берут. Всех. Кто ни соизволит. Потому что очереди уже не змеятся. А «предбанник» отдела кадров пустынен, как Северный полюс. Премий на комбинате не видели полтора года. Некогда хорошее, крепкое оборудование устарело и разваливается буквально на глазах...

* * *

Итак, на комбинате был останов. Не дымила котельная. Не двигались транспортеры. Не крутились валы, валики и валищи бумагоделательных машин. Грустно плескались в камской воде невыловленные сплавные бревна.

Мы шли между немыми цехами.

— С чего начнем? — спросил самый молодой из нас и потому самый нетерпеливый.

— Я думаю, надо найти деталь,— ответил самый старший из нас и потому самый рассудительный.— Характерную деталь. В которой, как в капле воды, отразились бы и останов и весь комбинат.

— И потом сделать выводы,— добавил средний из нас по возрасту.

В это мгновение мимо промчалась группа рабочих с лопатами. Заинтригованные, мы побежали следом.

— На пожар, что ли? — Наши голоса прерывались от бега.

— К насосу,— не оборачиваясь, бросили рабочие.— Трубу прорвало...

Мы притормозили около грязноватой лужи. Рабочие, поплевав на руки, гикнули, свистнули и вмиг отрыли небольшой котлован. Все склонились над ним, как хирурги над операционным столом.

— Мама моя родная...— ужаснулся кто-то, и все сняли кепки.

— Кто-нибудь умер? — спросили мы.

— Труба отдала богу душу... Вишь ты: насквозь проржавела... Почтим память усопшей...

Пока все скорбно молчали, в наших головах зароились десятки вопросов. Что это за труба? Кто должен следить за ее состоянием? И почему вообще так произошло?

И вот что выяснилось. Труба эта очень важная. По ней течет так называемая «оборотная вода». Для сплавки древесины. Другими словами, не будет трубы — не будет и воды. А значит, остановится весь комбинат. Но, конечно, уже не в плановом порядке...

А отвечать, оказывается, за трубу никто не отвечает. «Ничья» труба. Бесхозная вроде. Лежит себе в земле и лежит. Ржавеет потихоньку.

— Выходит, никому за нее не нагорит? — спросили мы.

— Никому,— развели руками рабочие.— Вода, понимаете ли, агрессивная. Металл проедает, как гусеница — зеленый лист. Стихия, в общем...

— Значит, строители не учли?

— А бог его знает. Может, строители, а может, проектировщики. Теперь проверить уже невозможно: документация вся напрочь утеряна...

В воздухе запахло мистикой: ничья труба, пропавшая документация...

* * *

— Никакой мистики,— грустно вздохнул директор комбината В. В. Круглов, к которому мы пришли за разъяснениями.— Просто это наглядный пример того, как мы живем.

— Характерная деталь,— подсказал самый старший из нас.

— Вот именно. Вместо того, чтобы перейти к кардинальной модернизации комбината, мы меняем отдельные трубы, некоторые подшипники, ставим подпорки, латки... Да разве за три дня останова можно сделать что-нибудь большее!..

— А что мешает всесторонней модернизации? — спросили мы.

— Недочеты в планировании,— ответил директор.— И отсутствие средств.

— Поясните, пожалуйста, на каком-нибудь конкретном примере,— попросил самый молодой из нас.

— На какой-нибудь характерной детали,— уточнил самый старший.

— Пожалуйста.

* * *

И мы услышали удивительную историю об утилизационной котельной.

Построили ее четыре года назад. Хорошая получилась котельная, красивая. Труба высокая. Торжественно открыли. Жали руки проектировщикам из Мосгипробума — Московского государственного института по проектированию предприятий целлюлозно-бумажной промышленности. А через месяц выяснилось, что новую котельную надо всю перестраивать заново...

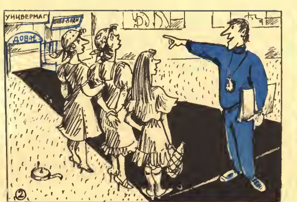
Вопрос-то нехитрый. Бумагу делают из бревна, а бревно, как известно, покрыто корой. Тут уж ничего не поделаешь. Без коры деревья просто-напросто не растут. Но для изготовления бумаги кора не нужна. Поэтому бревна чистят. Древесину пускают в дело, а кору выбрасывают.

Ну, год выбрасывали. Ну, два. Десять. Сорок. А потом за голову схватились: батюшки вы мои! Кору выбрасывать больше некуда. Все кругом ею завалено. И портится эта кора к тому же. В смысле гниет. И отравляет тем самым камские берега и камские воды. И скоро последняя камская рыбка поплывет косяком кверху пузом, точно сплавные бревна...

Постановили тогда кору сжигать. Во-первых, зола мало места занимает. А во-вторых, не портится. Стало быть, рыбка сможет еще поплавать пока животом книзу...

[1] См. №№ 9, 11, 16 за этот год.

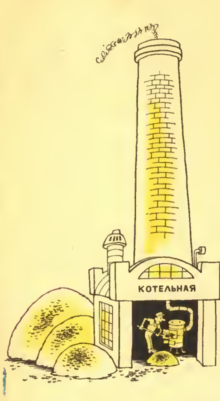

— Девушки, в универмаге дают сапоги.

Рисунки Г. КАРАВАЕВОЙ

Ну, Мосгипробум сначала решил выполнить заказ честь по чести. Все прикинул, все подсчитал и составил смету. А в Госплане СССР смету урезали.

И ничего не осталось тогда Мосгипробуму, как выкручиваться — экономить на чем только можно. Например, вместо дорогих котлов заложить в проект дешевые. Правда, эти котлы не были предназначены для сжигания коры. И Мосгипробуму пришлось их модернизировать. Внести, как говорится, свою лепту в научно-технический прогресс.

Только неувязочка вышла. Потому что новая котельная стала сжигать коры в два раза меньше, чем намечалось. Половину, значит, сжигают, а половину, как раньше, везут и вываливают на камские берега. Так что урезанная смета вышла государству боком...

— И так во всем,— завершил свой невеселый рассказ директор.— Во всем, что касается модернизации. Приказом министра общая сметная стоимость первой очереди реконструкции комбината утверждена в сумме сто семьдесят пять миллионов рублей. А Госплан признает из них только тридцать девять миллионов. И только из этого расчета разрешает финансирование. Вот и модернизируй после этого...

* * *

Мы вышли от В. В. Круглова и уселись на большом кожаном диване, который стоял около дверей директорского кабинета.

— Значит, во всем виноват Госплан? — спросил самый молодой.

— Не надо делать скоропалительных выводов,— посоветовал старший.— Ведь именно с санкции Госплана комбинату отвалили двадцать три миллиона валютных рублей, чтобы приобрести австрийскую машину «Фойт» и японское оборудование для цеха термомеханической обработки древесины.

— А эта машина и это оборудование на комбинате второй год хранятся в ящиках! — заметил средний из нас по возрасту.— Об этом «Крокодил» уже писал, между прочим.

— Значит, во всем виновато руководство КЦБК! — отрезал самый молодой.

— Опять ты делаешь скоропалительные выводы,— покачал головой старший.— Проблема сложна и запутанна. А что надо искать в первую очередь в любой проблеме?

— Деталь! — догадался средний из нас по возрасту.— Характерную!

— Правильно. Две детали мы уже нашли — это прогнившая труба и никуда не годная котельная. Еще одной деталью, мне кажется, может стать эта самая машина «Фойт»...

И мы пошли к главному инженеру комбината С. П. Титову.

* * *

— Действительно,— сказал главный инженер,— иностранное оборудование лежит без дела. И будет лежать еще неизвестно сколько.

— Как же так?! — закричали мы.— Ведь это двадцать три миллиона!

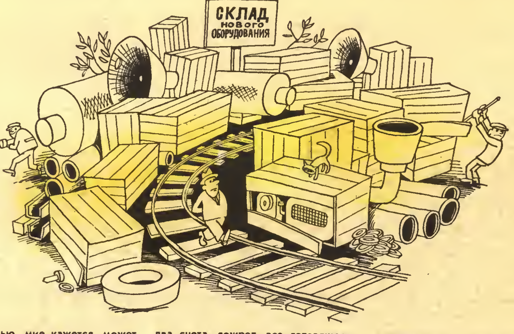
— Больше, друзья мои, теперь уже больше! Потому что, согласно контракту, мы должны пустить оборудование в июне этого года. И с июня комбинат начинает платить штраф за неустановленное оборудование...

— Так что же вы тянете, черт возьми! — не выдержал самый молодой.

— А что можно сделать?

И мы услышали еще одну не менее удивительную историю.

Дело и здесь нехитрое. Помимо сырья для бумагоделательных машин и самих этих машин необходимы очистные сооружения. Которые фильтруют и обезвреживают воду, спускаемую в Каму. И все это должно быть точно сбалансировано. Готовить надо ровно столько сырья, сколько буммашины смогут переработать. А фильтровать и чистить — ровно такое количество отработанной воды, какое подается на очистные сооружения.

И вот появляется новейшая австрийская машина «Фойт» устрашающей производительности. Она, может быть, даже способна вывести Камский ЦБК в передовики. Но вот закавыка: ни цехи по подготовке сырья, ни очистные сооружения в нынешнем виде для этой машины не годятся. Чересчур хилые они. «Фойт» в два счета сожрет все готовящееся сырье. И перегрузит очистку.

Значит, что? Значит, под новую машину все надо перестраивать. А для этого нужно время. И деньги. А время, как вы, наверное, подметили, бежит резво. А денег, как вы уже знаете, дают мало.

И машина «Фойт» портится, стареет...

— А почему,— спросили мы,— ее хотят установить вместо ныне действующей буммашины номер семь? Ведь эта машина не такая уж старая и не так уж плохо работает. Если ее слегка подремонтировать, она сможет еще покрутиться не один год. Зачем же ее ломать? Не лучше ли «Фойт» смонтировать параллельно?

— Лучше, конечно, лучше! — воскликнул главный инженер.— Но, к сожалению, это зависит уже не от нас...

* * *

Мы снова сели на кожаный диван около кабинета директора и снова задумались.

— Итак,— сказал старший,— подобьем бабки?

— Подобьем,— согласился средний по возрасту.

— Мосгипробум разработал план реконструкции. Министерство его утвердило. А Госплан зарезал смету. Из-за этого пошли всякие неурядицы. И миллионы полетели на ветер!..

— А вместо комплексной реконструкции на комбинате ставят временные заплатки...

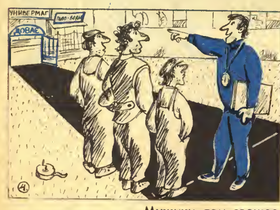
— Короче,— вскричал самый молодой,— надо садиться писать фельетон!

— Погоди, погоди,— остановил его старший.— Пока что мы увидели комбинат, так сказать, в техническом разрезе. А теперь надо посмотреть в человеческом. Как живут рабочие? Где отдыхают? Что волнует их сегодня?.. Короче говоря, командировка продолжается...

Наступал второй день останова, светило солнце, термометр показывал двадцать один градус.

Пермская область.

окончание следует

— Мужики, там свежее пиво привезли.

— Ну вот, теперь можно записать, что все сдали норму ГТО.

В. КАНАЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ЧТО ТАКОЕ ОЧЕНЬ ПЛОХО

Что такое хорошо и что такое плохо, я уяснил из популярного стнхотворення еще в младенческом возрасте. Но о существованни скверного, к прнмеру, в четвертой степенн узнал совсем недавно.

Начальннку отдела экспертизы и председателю постоянно действующей комиссии по проверке качества стоительства Миннстерства заготовок РСФСР Внктору Ивановнчу Староверову явно не хватало общепрннятых отметок для оценкн работы подразделений Мннсельстроя РСФСР.

— Вообще-то стронть они умеют хорошо,— как-то неуверенно сказал он.— А элеватор в Азове даже сдали досрочно...

Как бы силясь прнпомннть еще что-то похвальное, В. Староверов умолк, но, так ннчего н ие вспомннв, махнул рукой.

— А в основном мннсельстроевцы возводят элеваторы медлеино и плохо,— неожнданно подытожнл он.— В Безенчуке плохо, на станцнн Башмаково очень плохо, а в Нурлате очень и очень плохо...

— Это значнт, плохо в третьей степени?! — уднвился я.— А чем отличается, скажем, очень и очень плохо от просто очень плохо?

— Все познается в сравненин,— фнлософскн уклончиво заметнл В. Староверов.— Лучше всего поехать на место и посмотреть, так сказать, в натуре.

Знакомство с необычной снстемой оценок я решнл начать с того, что такое очень плохо, н отправнлся на станцню Башмаково, что в Пензенской областн.

— Строителн обещалн сдать наш элеватор в декабре прошлого года,— сообщнл мне директор Башмаковского элеватора Н. Яценко.— Сейчас макушка лета, а строительной готовности конца края не вндать.

— Это плохо,— поддакнул я н, окинув стройку взглядом, добавил: — Но зато, как вндно, элеватор получается как игрушка.

Подойдя поблнже, я заметнл, что стены так иазываемой рабочей башнн элеватора выступалн наружу ступеньками, отчего он напоминал затейлнвую будднйскую пагоду.

— Какое удобство! — восхнтнлся я.— По этнм ступенькам можио без труда взойтн на самую крышу.

— Да, ярко выраженная ступенчатость,— резюмнровал днректор.— Только ннчего хорошего в этом нет. Обыкновенный строительный брак.

— Это уже очень плохо,— вспомннв оценку Староверова, согласился я и с надеждой спросил: — А вот эти щели в стенах, вероятно, предназначены для лучшей вентиляцни?

— В хорошую погоду сквознячок, может быть, и ускорил бы просушку зерна,— скептнчески усмехнулся Н. Яценко.— Но в дождик оно как пнть дать намокнет. Строители забывают заделывать швы между блоками.

Качество работы передвижной мехколонны № 693 вытягивало на еще более ннзкую отметку, чем очень плохо. Похоже было, что педантичный В. Староверов даже несколько прнукрашивал действнтельность.

Ну, а что же творится там, где строителн, по его оценке, ведут себя «очень и очень плохо»?

...Элеватор в Нурлате тоже напомннал буддийскую пагоду с затейлнвыми ступенчатыми стенамн. Между блоками рабочей башнн тоже зияли уже знакомые отнюдь не вентиляционные щелн. И первоначальный срок пуска — декабрь прошлого года — был тоже сорван. А до иового срока окончання строительства оставалось два дня.

Возможность побывать на торжественном открытнн нового элеватора была заманчнвой. Ведь могли же сказочные чудо-богатырн за одну иочь возводнть дворцы и целые города! А у богатырей нз «Южуралэлеваторстроя» было и временн побольше н дел поменьше: за два дня и две иочн им предстояло всего лншь благоустроить территорию и... построить железнодорожную ветку...

Два дня н две ночи я чувствовал себя как на иголках и то и дело выглядывал из гостнннчного окна: не закончено лн строительство? Но на третье утро, подбежав к окну, я лншннй раз убедился, что чудес на свете не бывает: территория осталась неблагоустроенной, железнодорожная ветка так и не проклюнулась. Богатыри из «Южуралэлеваторстроя» сорвалн второй срок готовности элеватора. И по системе В. Староверова это, конечно, было очень и очень плохо.

Вернувшнсь в Москву, я снова заглянул в Минзаг РСФСР.

— Ну и удружнлн вы мне, Виктор Ивановнч,— обратился я к тому же Староверову.— После знакомства с вашей системой я стал буквальио все вндеть в черном свете. Будьте велнкодушны, укажнте какой-нибудь пущенный в срок элеватор.

— Э-хе-хе, что бы вам такое показать? — развериув передо мной список хлебоприемных предприятнй, задумался В. Староверов.— Прямо-таки ума не прнложу...

— А вот готовенький элеватор! — ткнул я пальцем в спнсок.— У вас тут значится, что иа станцни Умет, Тамбовской области, пусковой комплекс элеватора принят с хорошей оценкой. Может быть, туда съездить?..

— Что вы, что вы! — ужаснулся мой собеседннк и вынул из стола еще однн документ.— Вот, полюбуйтесь!

«Принят в эксплуатацию с многочисленными недоделками, дефектамн н браком,— с недоумением чнтал я,— ие только влняющнми на нормальную эксплуатацню, но не позволяющими какой-лнбо эксплуатацни, т. к. к элеватору иельзя ни подъехать, ни подойтн, ии загрузнть его, ии разгрузнть».

— Тогда, может быть, поехать в Зарайск? — снова увидев в списке прннятый элеватор, ожнвился я.— Зарайск — это рукой подать...

— Нет, ехать туда не советую,— предостерег меня В. Староверов.— Зарайский элеватор тоже действует лншь иа бумаге.

— Как прнкажете понимать? — не веря своим ушам, воскликнул я.— Вы же самн укоряете строителей, и вы же самн прннимаете от них незавершенные объекты!

— Как бы вам это получше объяснить...— замялся В. Староверов.— Нашему мнннстерству выделяются деньги на строительство элеваторов, а подрядчиком является Минсельстрой РСФСР. Но по его мнлости мы третнй год заваливаем плаи капиталовложенний. А иам обидио, сами понимаете, выглядеть в плохом свете... Только не подумайте, что мы под эту «липу» премиальные гребем. Просто в отчетах мы несколько опережаем, так сказать, строителей... А то ведь, чего доброго, срежут нам ассигнования...

Я слушал В. Староверова, а сам думал: как оценнть эту косметнку по его собственной оценочной шкале? Ежели строители срывают установленные срокн пуска объектов, строят некачественно — это очень и очень плохо. Ну, а когда нз рук вон скверное выдают за хорошее — это как?

Москва — Пензенская область — Татарская АССР — Москва.

— Для удовлетворения вашей просьбы этих бумаг недостаточно!..

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА

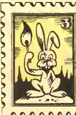
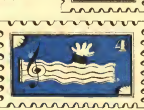

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Андрей НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

Под сенью кипарисов

Курортный фельетон в письмах

Нужно затратить миллионы, чтобы создать санаторий или хороший дом отдыха. И не надо тратить ни копейки, чтобы этот отдых испортить или в лучшем случае омрачить.

Факты, сообщаемые читателями из разных мест, на основе которых написан фельетон, подтверждают справедливость этой мысли.

1

Золотая Рыбонька!

Оказывается, санаторий, куда мне дали путевку, очень известный и попасть в него невероятная удача. Даже из других вагонов приходили пассажиры посмотреть на меня и пожать руку.

Встретили меня очень заботливо. Сразу дали стакан чая и измерили температуру. И вообще большую часть суток я провожу в кабинете врача. Нет, я не заболел, ты не беспокойся, просто я сплю во врачебном кабинете, потому что в комнатах нет мест. Говорят, одно место в изоляторе освободится через два дня. Но это все мелочи, главное — я попал в Крым. Жалко, что так мчится время: не успел оглянуться — и проскочили два дня.

Ну и увалень же ты, дорогой Тотоша! Почему ты ночуешь в кабинете врача? А кто же спит на твоем месте? Не забывай, что ты заплатил за путевку сто семьдесят рублей. Если это перевести на апельсины, то можно было бы купить больше центнера. Так что ты не позволяй собою помыкать, а где надо, покажи зубы.

Твоя Рыбонька.

P. S. И удостоверение.

2

Серебряная Плотвичка!

Какая здесь красота! Стены в столовой расписаны павлинами. Даже на перегородке, которая закрывает раздаточную, целых шесть павлинов! Один стоит, распустив хвост, а остальные сидят на ветках.

Блюда официантки развозят на специальных тачках с колесами. В ожидании второго мы сегодня сидели целый час. И моя симпатичная соседка по столу даже предположила, что, наверное, второе привозят из Ялты. А потом прошел еще час, и другая соседка решила, что нынче за котлетами поехали аж в Симферополь.

Но это все мелочи жизни. Главное — здесь море. За пять дней уже успел искупаться один раз. Все некогда. Дело в том, что назначают разные процедуры, приходится стоять в очередях и на море времени почти не остается.

Впервые в жизни слышу, что второе привозят из другого города. Ведь Симферополь от вас за десятки километров, я смотрела по карте. Значит, вы едите все холодное?

Еще, Тотоша, я не пойму, что ты находишь хорошего в павлинах? По-моему, это жуткая безвкусица, годится для районной забегаловки. А ведь ты заплатил за путевку сто семьдесят рублей. Если это перевести на пододеяльники, то получается восемь комплектов! Может, хоть природа у вас хорошая?

Твоя Плотвичка.

3

Перламутровая Красноперочка!

Природа здесь действительно есть, и, наверное, очень красивая. Я так думаю потому, что всюду пахнет хвоей и магнолией. Но самой природы почти не видно. Здесь вдоль аллей и возле корпусов стоят фанерные щиты с призывами и все загораживают. Против моего окна целых два транспаранта. На одном написано: «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья!», а на другом: «Береги лес». И нарисован зайка, который греет над костром лапки. А в кармане у него спички.

Моя Красноперочка! Здесь очень хорошо. Но очень медленно тянется время. Несмотря на море, мне уже хочется домой. А до отъезда еще пятнадцать с половиной дней!

Целый день у меня не выходит из головы заяц, о котором ты написал. Ведь если ты ничего не перепутал по своему обыкновению, то получается, что заяц сам поджег свой лес. А зачем ему это надо? И вообще, зайцы зажигают спички только в цирке, а лесные и огня-то боятся. Озадачил ты меня, Тотошенька, этим зайцем, места себе не нахожу.

Помни, что если перевести стоимость путевки в женские сапоги, то можно было бы купить целых две пары и еще тебе полуботинки за 13 рублей.

Твоя Красноперочка.

P. S. Побольше купайся и поменьше ухаживай за соседками.

4

Остроносенькая Стерлядочка!

У меня тут две большие радости! Первая — купил билет домой и вторая — скоро я запомню мотив «Марша бульдозеристов». Дело в том, что здесь на танцах каждый раз заводят одну и ту же пленку с записью песен советских композиторов. Эти песни и их последовательность все знают наизусть. Говорят, что один отдыхающий не выдержал и даже хотел утопиться, но его вытащили. Среди этих песен есть «Марш бульдозеристов», который я никак не запомню. Но я до отъезда смогу услышать еще 24 раза, потому что эту пленку крутят не только на танцах, но и на физзарядке. Приеду — напою! Прекрасная мелодия.

Если ты, дорогой Тотоша, привезешь из санатория «Марш бульдозеристов» и запоешь его дома, то я последую примеру того отдыхающего,— предупреждаю заранее. Сколько неприятностей мы имеем за сто семьдесят рублей, в то время как на базаре есть дивная клубника по два пятьдесят за килограмм. Если эту путевку перевести на клубнику...

Письмо осталось неотправленным, потому что как раз во время пересчета стоимости путевки на клубнику раздался звонок и адресат появился в дверях собственной персоной. Не выдержав курортного «сервиса», он обменял билет и вернулся раньше срока.

Крым — Москва

«С 18 марта разрешен прием норм ГТО на своей воде».

(Объявление в бассейне).
Прислала Н. Лобецкая, г. Ленинград.

«Ходатайствовать перед заводским комитетом о выделении тов. К. санаторно-курортной путевки в органы дыхания «Алушки».

(Из постановления цехкома).
Прислала В. Скрипниченко, г. Горловка.

«Директору Зейского лесхоза Средняя школа № 4 убедительно просит в наш музей передовиков производства. Лучших людей разных профессий любого размера. Конечно, не меньше 6×9».

(Из служебного письма).
Прислал А. Щербанов, г. Зея.

«У этого животновода сильно развито чувство гордости за подопечных коров, которые поддерживают его во всех начинаниях».

(Из выступления на собрании).
Прислал А. Ганич, г. Саратов.

— Доктор рекомендовал сменить обстановку, а здесь она та же, что и на работе.

Рисунок В. БОКОВНИ, г. Ленинград.

таланты и поклонники

Мое прочтение

Ефрем ГОРДОН

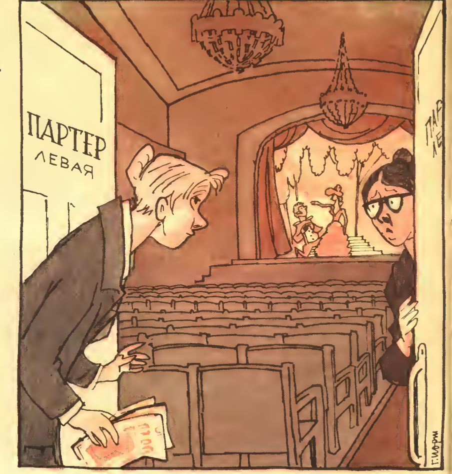
ГОГА и ТАМАРА

Старик тапер в «Дарьяле»,
В пивной второстепенной,
Играет на рояле
Какой-то вальс шопенный.
Принес буфетчик сдачу
И удалился чинно.
А я сижу и плачу
Светло и беспричинно.

Александр МЕЖИРОВ.

**В кафе «Дарьял» мне дали
немного кресс-салата,
стаканчик цинандали,
десятку взяв в уплату.
Буфетчику кричу я:
«Как можно брать так много!!
Я точно сердцем чую:
ты плохо кончишь, Гога».
И, надо же случиться,
открылись двери бара,
и в зал вошла царица
по имени Тамара.
Подумала немного,
на стойку глянув косо,
потом схватила Гогу
и сбросила с утеса.
И вот с улыбкой милой
она собственноручно
тотчас мне возвратила
червонец злополучный.
«Обманщик мной наказан! —
промолвила Тамара.—
А вы, как гость Кавказа,
гуляйте, пейте даром!»
И в тот же миг исчезла,
Ушла куда-то в горы...
А мне уже не лезло
ничто, поверьте, в горло.
Передо мной маячит
все время сцена эта.
Я беспрерывно плачу.
Мне жаль, что Гоги нету.**

г. Ростов-на-Дону.

— Петровна, а к тебе зритель не заходил?

Рисунок Г. ИОРША

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ,
специальные корреспонденты Крокодила

СТАРИННАЯ ИСТОРИЯ

Ну до чего же славно в рекламном буклете художественно разместить снимок храма Покрова на Нерли, этого белого лебедя русской архитектуры, рядом со вставной бетонной челюстью ультрасовременного проспекта, а фото резного балкончика из карельской деревни Середка — возле остроракурсных кусков стеклянных автовокзалов и крытых рынков. Премило! Тут налицо и наше поступательное движение вперед и наше бережное отношение к старине.

Нет, с новым-то дело обстоит неплохо. Растем и ширимся, мужаем и матереем день ото дня. Где методом Злобина, а где орловской непрерывкой наваливаемся. Но вот подлатать и законопатить какую-нибудь заветную хибарку, в которой, допустим, Некрасов рифмовал свое заветное «плакала Саша, как лес вырубали», бывает сложнее, чем воздвигнуть небоскреб с квартирами улучшенной планировки. То пакля кончилась, то олифа вся вышла, то алебастр пауки сожрали. Огорчительный факт!

И запечалишься невольно, задумаешься: а, может быть, не стоит вовсе паниковать по этому поводу? Если уж специалисты как-то свыкаются с таким положением вещей, то нам-то, казалось бы, чего беситься? Как говорится, наш номер восемь. Тем более, что чересчур уж много объективных факторов оказывают губительное действие на все это историческое великолепие: солнце жарит, стужа лютует, ливень сечет, ветер косит. Да еще тектонические сдвиги и всякие карстовые явления. В общем, старинная история...

Но меж тем на дворе-то давно двадцатый век, и нет предела человеческому умению. Так не в людях ли все дело? Приглядимся повнимательнее.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ УДАЧИ

Дом № 10 в 1-м Смоленском переулке Москвы, принадлежавший некому доктору Кривицкому, считался состоящим под государственной охраной. В соответствие с законом энтропии, беспощадно гласящим: все, что может портиться,— портится, а что не может — портится тоже, исторический дом этот обветшал. Жильцам дали новые квартиры, а дом по рекомендации авторитетной комиссии было решено полностью реставрировать.

Но между выселением жильцов и началом реставрации возникла роковая пауза. Ею-то и воспользовались псевдоинтеллигентные джентльмены удачи, расплодившиеся с той поры, когда мода на старину стала опасной эпидемией.

И вот эти эстетствующие грабители с шакальей алчностью набросились на беззащитный памятник архитектуры. Они выламывали и тащили на собственные дачи уникальные камины, сдирали со стен деревянные панели, срывали филенчатые двери, выколупывали лепные фризы и розетки, выкорчевывали паркет. Приятно же изумить своих гостей старинным изразцом, украсившим лоджию, или витой бронзовой ручкой, присобаченной к двери личного клозета.

Помародерствовав вдоволь, джентльмены удачи канули словно песчинки в людском море, оставшись неузнанными. А несчастный дом теперь нужно не реставрировать — строить заново.

Такие скорбные примеры можно множить до бесконечности, но и без того ясно, что джентльмены удачи наносят старым памятникам не меньший урон, чем землетрясения, наводнения и сель.

Это в центре города. О пригородах и заикаться боязно. Перепоручим это товарищу Д. Н. Кульчицкому, заместителю начальника Управления изоискусств и охраны памятников истории культуры Министерства культуры СССР, официально сделавшему такое признание:

ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА ПОДМОСКОВЬЯ НАХОДИТСЯ В АВАРИЙНОМ СОСТОЯНИИ.

КОКТЕЙЛЬ-ХОЛЛ ЗА ИКОНОСТАСОМ

В Костроме исключительно бережно и даже любовно сохраняются старинные постройки, планомерно и мощно ведется реставрационная работа. В идеальном состоянии знаменитая пожарная каланча и бывшая гауптвахта, радует глаз Ипатьевский монастырь, свежи и чисты памятники архитектуры — дома Борщова, Колодезникова и Янцен. В центре города недавно вновь взметнулась к небесам отлично восстановленная красивая колокольня.

Тем досаднее было услышать от руководителя производственной группы областного Управления культуры Л. М. Розина следующее заявление:

— Нам подчас приходится охранять памятник не от расхитителей, а от горсовета!

Этот вскрик души вызван тем, что отцы города, даже не подумав посоветоваться со специалистами, постановили церковь Спаса в Красных рядах отдать под ресторан. Видно, захотелось переплюнуть новгородцев, устроивших в одной из башен своего Кремля общепитовскую точку с коктейлями и джазом. Башня и коктейль и джаз, наверное, выдержит. А вот в церквах, не служивших оборонительными сооружениями, никогда не было кухонь, буфетных стоек и посудомоечных отделений. Давние изографы, расписывая своды и стены храмов, никак не полагали, что их творения будут покрываться слизью от тяжкого кухонного чада, что по святым ликам потомки будут палить пробками от яблочного сидра. Кроме того, подобная метаморфоза церкви требует такого решительного вмешательства строителей, сантехников и дизайнеров, что это практически ведет к уничтожению памятника.

Впрочем, идея создания такого церковного шинка представляется мелкой и бескрылой в сравнении с многолетним использованием ценных культовых и гражданских зданий в других местах.

Вот в Курганской области круче хватанули, масштабнее. Завод «Молмашстрой» захватил под литейные цеха постройки Долматовского монастыря, чем и довел прекрасный архитектурный ансамбль до аварийного состояния. Словно чуя близкую аварию, дирекция завода без согласования с органами охраны памятников в спешном порядке заказала проект нового цеха на монастырской территории. Что и говорить, своевременное и разумнейшее решение!

Или вот древний караван-сарай в Оренбурге. Советовали же умные люди устро-

С. БОДРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Автопортрет в коридоре

Речь здесь пойдет о художнике и его портрете. А также о других произведениях. Правда, я не большой знаток живописи. Я ее люблю, но сказать, что в ней прекрасно разбираюсь, я не могу. Поэтому во всяких художественных оценках я буду осторожен. Дело ведь это тонкое и деликатное. Это пусть специалисты дают оценки.

Значит, живет в городе Касимове член Союза художников СССР Иван Сергеевич Тумаков. Выделяют ему под творческую мастерскую комнату в городском Доме пионеров. Хотя она и не совсем пригодна для этой цели, он радуется, потому что в течение многих лет живет без удобств, в тринадцатиметровой комнате. И он перетаскивает в мастерскую холсты, кисти, краски, чтобы усиленно готовиться к юбилейной выставке. Рисует, пишет. Создает наброски, этюды.

Правда, придет он в девять утра, в Дом пионеров на запоре. Соберется уйти в семь вечера, а его в пять уже уборщица гонит. Неудобно, конечно, но он приспосабливался. Хотя и просил, чтобы дверь открывали и закрывали согласно расписания пионерской работы. Как положено.

— Вы свои неприятные стороны не показывайте,— сказала художнику директор Дома пионеров Еремеева Антонина Гавриловна.— А то я вас сюда вселила, я вас отсюда и выселю.

И Антонина Гавриловна заходит в мастерскую и внимательно осматривает живописные полотна. Живопись ей эта не нравится. Особенно ее коробит картина «Утренний сон», где изображена полуголая спящая женщина средних лет. Вызывает неприятие и автопортрет художника, где он показал себя не таким, каков он есть на самом деле. Словом, спор об искусстве, непонимание, а затем взаимная неприязнь на этой почве. Антонине Гавриловне категорически не нравятся картины художника и его личность, а художнику не нравятся Антонина Гавриловна и ее взгляды на искусство. Антонина Гавриловна обвиняет Ивана Сергеевича в аморальности, а он ее упрекает в недостатке культуры. Так они и сосуществуют...

Тем временем в Касимовском краеведческом музее открывается персональная выставка Тумакова и экспонируется в течение трех месяцев. Несколько тысяч посетителей знакомятся с творчеством художника и оставляют отзывы в книге. «Получили большое духовное удовлетворение при посещении выставки»,— пишут экскурсанты теплохода «Мельников-Печерский». «Художник правдиво отражает природу Рязанской области»,— отмечают супруги Петровы и Чебаковы, приехавшие с Сахалина. «В картинах видна большая любовь к родному краю»,— делятся впечатлениями бойцы студенческого строительного отряда «Рубин-10». Жителям окрестных деревень нравятся картины «Здесь проходил Чапаев», «Портрет В. И. Ленина», «Хлебное поле».

Антонина Гавриловна выставку принципиально не посещает и отзывается о ней неодобрительно. Зато горисполком наконец предоставляет Ивану Сергеевичу долгожданную двухкомнатную квартиру в новом доме.

— Срочно освободите помещение под судомодельный кружок,—говорит при встрече директор Дома пионеров художнику.— Тем более, что вы получили квартиру в благоустроенном доме.

— Я вам помещение, конечно, освобожу,— говорит художник.— Только дом наш принят с недоделками и нет там ни воды, ни электричества. Да и на пятый этаж мне, как инвалиду Отечественной войны, взбираться трудновато. Поэтому прошу вас потерпеть,— говорит художник и уезжает на этюды.

Делает это он, конечно, зря, потому что у Антонины Гавриловны терпение уже лопается. И пока художник запечатлевает на этюдах родную природу, Антонина Гавриловна вскрывает мастерскую и при помощи уборщиц очищает от неприятной ей живописи. Холсты, краски, автопортрет художника и другие произведения выносятся в коридор и сваливаются в кучу. А позднее, чтобы не мешали, выдворяются вовсе в кочегарку. При этих перемещениях какие-то из вещей навсегда пропадают. Когда художник возвращается с этюдов, он волнуется до слез и расстройства здоровья.

— На тебе! — восклицает он.— Все выкинули на произвол, без всякой ответственности за пропажу вещей! Да мне легче было бы, если бы меня побили, чем так поступили с моими работами. А ведь главное, не в первый раз. Что ж это за нравы?

Оказывается, действительно не в первый раз с художником происходит такая история. Несколько лет назад его прежняя мастерская срочно понадобилась под комитет ДОСААФ и межрайонную фильмотеку учебных фильмов. Мастерскую вскрыли и перевезли вещи в одну из комнат городского отдела милиции. Как позднее выяснилось, при этом в отношении художника были допущены поспешность и некоторая горячность. Художнику были принесены извинения, да и все вещи остались целы.

А тут — ни извинений, ни некоторых вещей. Полотна лежат до сих пор в кочегарке, И. С. Тумаков через эти мытарства получает неврастению, откладывает планы создания портретов передовиков района и старается ни о чем не вспоминать.

Потому что вспоминать происшедшее ему горько. И если еще как-то можно понять директора Дома пионеров Антонину Гавриловну — вроде из деловых побуждений действовала, то от равнодушия городских властей просто разводишь руками. Неужели за эти годы нельзя было подыскать живописцу хоть какую-нибудь захудалую комнатенку из нежилого фонда? Постоянное место для создания полотен, для творческих поисков? Он ведь имеет на это полное право.

Нет, не удосужились. Такое впечатление, что в Касимове художников просто пруд пруди, а не всего трое. Никого не волнует, что произведения искусства валяются в коридоре и других неприспособленных местах. Такая наблюдается картина. И тут можно констатировать наплевательское отношение не только к искусству, но и к человеку.

Рязанская область.

...ить в нем краеведческий музей. Нет, отдали геологоуправлению под склады и лаборатории. И теперь уж это не караван-сарай, а просто сарай. Весьма неприглядный.

«Хоть неприглядный, а все-таки стоит!» — могут утешить себя оренбуржцы. А вот главный дом усадьбы Танеева в селе Демьяново возле Клина уже не стоит. По вине совхозных деятелей сгорел бедняга в марте 1977 года. Нету теперь этого архитектурного памятника. И не выкроить из напряженного совхозного бюджета полмиллиона рублей, которые по закону должны были возместить причинении ущерб.

Да разве измеришь ущерб одними рублями! Хамское, варварское отношение ко всякому памятнику старины — это прежде всего неуважение к своей истории. Не случайно же в нашей Конституции записано:

ЗАБОТА О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И ДРУГИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ — ДОЛГ И ОБЯЗАННОСТЬ ГРАЖДАН СССР.

СОСТЯЗАНИЕ ПАМЯТНИКОВ

А теперь позвольте коснуться одной деликатной темы и впервые в этом сочинении употребить слово «памятник» в самом узком, изначальном смысле.

Да, мы намерены пригласить вас на кладбище. На мемориальный участок Морского кладбища во Владивостоке, где имеется ряд памятников, находящихся под охраной. Это могила знаменитого исследователя Дальнего Востока и писателя В. К. Арсеньева, памятник советским воинам, погибшим у озера Хасан, памятник на братской могиле бойцов Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, погибших в 1929 году, и другие.

Когда-то композиционным центром благодаря своему архитектурно-художественному решению тут был памятник нижним чинам крейсера «Варяг» — национальная святыня нашего народа.

Об этом прекрасном памятнике приходится говорить в прошедшем времени, хотя стоит он и по сей день. Он не разбит, не украден. Он лишь тихо и мирно уничтожен другими памятниками, возникшими рядом и сведшими на нет его художественное и эмоциональное звучание. Понятно, что вокруг похоронены люди достойные, но зачем же нужно было нарушать охранную зону мемориала? Ведь теперь многочисленные экскурсанты, приезжающие почтить память тех, чей подвиг во славу Родины стал легендой, едва могут приблизиться, лавируя среди пронных надгробий. Скромная же могила Арсеньева буквально затерялась среди помпезных плит и скульптур недавнего времени.

Авторы задались было целью составить полный перечень подобных фактов, но вскоре ужаснулись и отказались от этой идеи, узнав, что лишь разработка списка памятников всесоюзного значения тянется вот уже тридцать лет!

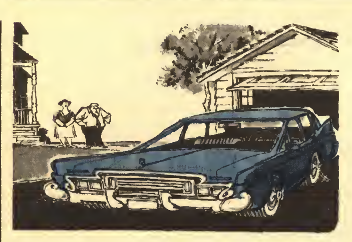
Когда-нибудь он будет завершен, когда-нибудь благополучно кончится эта старинная история. Но нельзя же в ожидании этого светлого «когда-то» сидеть сложа руки. Тем более что все и каждый уже сейчас могут что-то сделать. И начать хотя бы с того, чтобы попросту самим уважать и беречь памятники старины. Да так, чтобы в надписи «Памятник охраняется государством» явственно читалось: памятник охраняется любовью и уважением народа.

Рисунок П. КОЗИЧА, г. Витебск

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

Крокодильская международная газета

ЖЕНА: — При нынешних ценах на горючее что нам делать с этим пожирателем бензина?
МУЖ: — Может, его хоть обломком «Скайлэба» разобьет вдребезги!

«Чикаго трибюн», США

Отрвался от жизни

Затворнический образ жизни до добра не доводит. Нужно читать газеты, слушать радио, общаться с людьми, чтобы знать, какая политическая погода на дворе и куда дуют господствующие ветры.

А герр Густав-Франц Вагнер, скрываясь от правосудия, забился на двадцать восемь лет в какую-то бразильскую щель и вел тараканий образ жизни. Очень он опасался, что какой-нибудь бразилец или, того хуже, приезжий из Европы опознает его и скажет: «А не вы ли, герр Вагнер, были заместителем начальника гитлеровского концлагеря в Собиборе и Треблинке! Ну-ка, ну-ка, извольте выйти на солнышко!»

В результате подобных страхов Вагнер задрожал крупной лошадиной дрожью, когда его и впрямь арестовали. «Дело швах,— решил Вагнер.— Капут мне теперь». Нервишки герра коменданта находились в столь раздрызганном состоянии, что их владелец, пребывая в полицейской тюрьме, трижды пытался самодеятельно лишить себя жизни.

Паникера отправили подлечиться в психиатрическую клинику. А когда жизнь его оказалась вне опасности, Верховный суд Бразилии оправдал герра Густава-Франца Вагнера ачистую. И, чтобы человек обрел полное душевное блаженство, постановил не выдавать герра экс-коменданта западногерманскому суду. Чтобы там не пощекотали ему лишний раз потрепанные нервишки...

Теперь Вагнер знает, сколь благотворный для него климат господствует в Бразилии. Ах, знай он это раньше, не стал бы четверть века таиться в щели!

Яблочки от яблони...

Легенда об открытии закона земного притяжения не сохранила нам сведений о судьбе плода, упавшего на макушку Исаака Ньютона. Съел ли его озаренный Исаак, отдал ли экономке для изготовления сидра или же ладанец откатился в сторонку и тихо сгнил — мир этого не узнал.

Зато известна судьба полицейских «гнилых яблок» — так в Англии назвали двадцатку офицеров Скотланд Ярда из «Отдела по расследованию краж». Эти джентльмены испытывали сильнейшее дружеское тяготение к ворью и неземную радость, когда воры делились с ними добычей. Поэтому «гнилые яблоки», как выяснилось, не раз помогали ворам разрабатывать их операции.

Барабанный стук падения «гнилых яблок» был услышан всей Англией. Тем более, что полицейские соучаствовали в ограблении бухгалтерий газет «Дейли экспресс» (175 тыс. фунтов стерлингов) и «Дейли миррор» (200 тысяч фунтов).

Преступные полицейские, они же полицейские преступники, оказались под судом и понесли кару. Но значит ли это, что Скотланд Ярд очистился от скверны!

Вот какой случай описывает осведомленный, потому что ведомственный, лондонский журнал «Полиция».

В кабинет к начальнику вошел молодой полицейский с еще не тронутой тленом совестью.

— Окажите божескую милость, сэр, переведите меня в другой отдел. Вот рапорт.

— Что стряслось, малыш! Вода на тумбочке.

— Мои коллеги утратили всякое понятие о профессиональной чести. Берут с преступников отступное, предупреждают подонков об облавах. Какой-то кошмар, сэр!

— О, я тебя хорошо понимаю, родной! С твоей душевной чистотой это в самом деле непереносимо... Ну что же, сто фунтов на бочку, и я перевожу тебя в другой отдел. Гуд!

Неудивительно, что «гнилые яблоки» недалеко падают от такой руководящей яблони...

Искусство и жизнь

Музей расписок?

Новая экспозиция откроется, вероятно, в недалеком будущем в Мадриде. В знаменитом не только на всю Испанию музее Прадо появятся залы, где вместо картин будут висеть расписки в получении. 2000 картин крупнейших живописцев были взяты напрокат учреждениями франкистского правительства, епископами, министрами, послами свергнутого режима. Они аккуратно расписывались в «получении на представительство» и устно заверяли вскорости вернуть все вплоть до латунной инвентарной бирки.

Возможно, не так уж редко слышались в стенах Прадо следующие разговоры:

— Мне Рембрандта.

— Кончились Рембрандты. Остались Рафаэль и Боттичелли.

— Но мне срочно нужен Рембрандт. У меня важный прием, будет, вероятно, сам Франко.

— Раннего Мурильо возьмете? Берите. Распишитесь вот здесь и пообещайте, что, как только он вам будет не нужен, вы его тут же вернете.

Франко и его режима уже нет. Картин еще нет. Пока остается любоваться расписками...

Сирагуза и другие

В Италии неудержимо плодятся и размножаются религиозные секты. Представляем одну из них — секту «Космического братства».

Как и у всякой порядочной секты, у нее есть своя библия, которая называется «Голос инопланетян». И свой отец — создатель, некто Эудженио Сирагуза, бывший служащий таможни. Правда, сейчас он отдыхает от мирских забот в тюрьме за хулиганство и мошенничество. Его вера, как на то указывает самое название секты, беспредельна: она охватывает весь космос. Своим поклонникам он объявил, что обнаружил на склонах вулкана Этна «летающую тарелку», поднялся на ее борт и отправился в открытое космическое пространство. С тех пор он находится в постоянном контакте с НЛО (неопознанный летающий объект) и под диктовку «инопланетян» пишет послания ко всему человечеству.

«Первую свою ночь в каталажке,— цитирует его журнал «Эпока»,— я провел не за решеткой, там оставалось лишь мое тело. Душа моя вместе с НЛО отправилась на Черную Луну, которая существует, но ее никто не видит. Она находится неподалеку от той, которую мы все хорошо знаем».

Легковерных своих последователей он убедил, что «инопланетяне» избрали (!) его матерью (!) пророка Илии, и это откровение мгновенно повысило его международный престиж: в Италию потоком хлынули сектанты из Испании, Англии, Греции, Америки, Португалии. Иностранных балбесов Сирагуза обобрал с тем же тщанием, как и своих соплеменников.

«Прах тянется к праху, плоть к плоти»,— поучает Сирагуза. Добавим: «А грязные руки шарлатанов — к деньгам туповатых сектантов».

Pas på tyven

Новый дорожный знак появился на некоторых автомобильных стоянках в Дании. Он предупреждает пассажиров: «Берегитесь воров!»

Вместо некролога

Рейнхард ГЕЛЕН

Да простят нас древние, завещавшие «О мертвых — хорошо или ничего», но что же нам делать, если в городе Берге (ФРГ) в возрасте 77 лет преставился обер-шпион Рейнхард Гелен...

Некоторое время покойный работал у Гитлера начальником разведки на Восточном фронте. Один раз он не ошибся — это когда вычислил, что полный капут не за горами. Но тут же совершил оплошность: поделился своими выводами с фюрером. Нашел с кем откровенничать! Бесноватый приказал посадить Гелена в сумасшедший дом. На это Гелен отреагировал правильно — дал деру. В мае 1945 года он сдался американцам, вручив в качестве верительных грамот пятьдесят ящиков с документами Советской Армии. Американцы понюхали пожелтевшие бумажки и сообразили, что цена им ломаный цент в разгар инфляции: документы относились к давним, начальным месяцам войны. Тем не менее янки оценили радение Гелена и взяли натасканную гитлеровскую ищейку на службу в ЦРУ. А куда же еще!

Новые хозяева, учитывая узкую профориентацию Гелена, снова бросили его на «Восточный фронт». Гелен сколотил шайку из четырех тысяч шпионов и начал свой «второй раунд» подпольной войны против социалистических стран. Подпольной в прямом смысле, потому что именно Гелен додумался прорыть полукилометровый туннель под столицу ГДР, чтобы подключиться втихую к телефонно-телеграфной связи соседней страны. Гелен спланировал, ЦРУ копало, и все засыпались: шпионский лаз был раскрыт, скандал получился всемирный.

Но шпионы сраму не имут. В 1955 году обер-разведпаук Гелен передал свою шпионскую паутину правительству ФРГ и превратился в главу федеральной разведслужбы. До 1968 года он возглавлял свое темное ведомство, не столь, правда, темное, как хотелось бы самому шефу. Лучи разоблачительного света слишком часто освещали геленовы крысиные норы, в силу чего шеф был вынужден бесславно удалиться на пенсию, на каковую и прожил последние одиннадцать лет...

КРОКОДИЛИНКИ

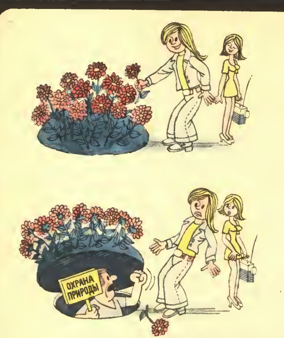

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА

Рисунок О. ВЕДЕРНИКОВА

Рисунок Л. ФИЛИППОВОЙ

Рисунок В. АШМАНОВА

Рисунок Т. ЮНАКА, г. Киев

Живительный напиток

Замечено, что разные люди утоляют жажду по-разному. Одни жадно припадают к источнику живительной влаги и пьют не отрываясь. Другие, наоборот, пьют воду маленькими глотками, как бы желая продлить удовольствие. Вот сторонникам такого способа утоления жажды мы в первую очередь и рекомендуем книгу Сергея Смирнова, только что изданную «Советской Россией».

Конечно, говоря об утолении жажды, мы имеем в виду жажду смеха, веселья, жгучее желание широко улыбнуться, а может быть, и звонко расхохотаться. Потому, что рекомендуемая книга названа автором «САТИРИЧИНКИ» и состоит из коротких басен, эпиграмм, шуток, каламбуров — пожалуй, самого краткого жанра литературы, буквально на один глоток. Да вот посудите сами:

Бородавка

— Я,— говорит,—
высокий пост несу.
— А где?
— Да у начальства
на носу.

Плоды захваливания

Пылало Вдохновенье —
и погасло:
В него подлили слишком
много Масла.

Или совсем короткий каламбур о детских писателях:

Верзилки
из
«Мурзилки»

Таковы они, мелкокалиберные смирновские «Сатиричинки».

«СОЛЕНЫЙ НЕКТАР» — второй сборник рассказов молодого донецкого сатирика Анатолия Наумова. Ряд рассказов, вошедших в книгу, изданную «Донбассом», печатался на страницах «Крокодила».

Двенадцатая по счету книга брянского фельетониста Константина Минькова «КРЫЛЬЯ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ» состоит из «юмористических этюдов», написанных им в соавторстве с начинающим сатириком — братом Николаем Миньковым. Профессия сатирика становится семейной.

Общеизвестно, что смех и печаль, улыбка и слезы тесно соседствуют в жизни. Вот почему руководители Дома юмора и сатиры в Габрово, подготовившие сборник юмористических и сатирических рассказов на болгарском языке, так и назвали его: «Смех и боль». И соседствуют в сборнике веселые, озорные Януш Осенка и Радой Ралин с раздумчивыми Мартти Ларни и Бранко Чоличем. А ироничные С. Норкот Паркинсон и Джанни Родари прекрасно вписываются в единый ансамбль рядом со склонным к грустному самоанализу Иржи Мареком и почти всегда печальным Азизом Несином.

В сборнике наряду с юмористами многих стран участвуют и советские писатели — В. Бахнов, В. Белов, Г. Горин, В. Катаев, Ф. Кривин, Л. Ленч, М. Семенов, Г. Троепольский и другие.

Участники недавно состоявшегося в Габрово очередного веселого фестиваля шумно приветствовали сборник, выпущенный в свет болгарским издательством «Георгий Бакалов», Варна.

Рисунок В. СПЕЛЬНИКОВА, г. Рязань

Рисунок Н. БЕЛЕВЦЕВА, г. Белгород

П. АНГАЛОВ

КАПИТОНЫЧ

Рассказ

Институт наш — величавая громадина из стекла и стали, но лифт у него один. Конечно, нам, мэнээсам, это вроде бы даже и в удовольствие — на девятый этаж по лестнице взлететь, а уж о полезности в плане сердечно-сосудистой системы и говорить не приходится.

Однако, увы, о преимуществах альпинизма мы любим порассуждать на сочинском пляже, а о пользе восхождения по лестницам задумываться в кабине лифта. Только в нашем лифте задумываться не приходится — нужно слушать. И упаси бог делать это недостаточно добросовестно. Капитоныч обидчив и памятлив.

— Конечно,— скажет,— чего нас слушать! Вы — белая кость, мы — серая. Вы — бояре, академики, а мы — ваньки, материя неодушевленная!

И замолчит. Так замолчит, что хоть между этажами из лифта выпрыгивай. Говорит Капитоныч неспешно и негромко, но значительно. Диапазон его интересов необъятен — от устройства видимой и невидимой вселенной до цвета губной помады лаборантки Леночки. Но гвоздевая тема Капитоныча все-таки сам лифт.

— Чего ты дверьми-то хрястаешь?.. Дома небось ими не хрястаешь! А ты куда ломишься? Ничего, я постарше, я и тыкну, так тебя не убудет. Ты же поди доктор каких-нибудь наук, книги, наверно, печатаешь, законы Ньютона открываешь, а до шести досчитать тебя не научили!.. Ну, как оборвется лифт, кто виноват будет? Мы, ваньки?

Вторым номером у Капитоныча шли наши институтские непорядки: непродуманные передвижения по службе, неправильное распределение премий, отсутствие заботы о «работающем человеке» — иначе сказать, о нем, Капитоныче, да о Семеновне, уборщице с третьего этажа.

Третьим номером проходило общее состояние развития научной мысли и недальновидность всех ведущих ученых, которым платят громадные народные деньги, хотя они и не то изучают и не так.

Утром я встал свежим, жизнерадостным, полным симпатии к мирозданию. Жена напоила меня ароматным кофе, в метро мне улыбнулась очаровательная курносая блондинка, я влетел в двери института, полный жажды творческой деятельности на благо человечества, старательно и всесторонне вытер ноги, дверь лифта прикрыл нежнее, чем спящую дочурку одеялом, и...

— Слышно, вашей фифе-секретарше снова двадцать рублей премии отвалили. Ну-ну,— горько и укоризненно сообщил Капитоныч.

— Знаете, она же действительно такой воз бумаг сверхурочно... И вообще...

— Вот именно «вообще». За это «вообще» им премии и дают. Так просто они коленки свои заголяют, что ли? А тут директору хотел как-то про свое материальное неустройство рассказать — куда!.. Некогда, простите, извините... Для них, с коленками, небось время находит.

— Ну что вы, Кузьма Капитонович! Да он же членкорр с мировым именем... Про его деликатность анекдоты ходят, а вы...

— Анекдоты мы и сами сочинить сумели бы, если бы нам зарплату побольше платили. Выходь, твой этаж, заступник. За директора все заступники...

Две минуты какие-нибудь едешь в лифте, а выходишь другим человеком, будто тебя и жена кофе не поила, и блондинка в метро не улыбалась, и... работать не хочется.

Публика у нас в коллективе пестрая — от членов-корреспондентов до лаборанток, но никто друг перед другом особенно не чинится. Не поверите, мы, мэнээсы, у своих шефов, докторов, рубли перед получкой стреляем. А вот перед Капитонычем все робеют. Сэнээсы перед ним постыдно заискивают, сам наблюдал! А девчата-лаборантки, те вовсе стараются лифтом не пользоваться: очень уж Капитоныч моды современные не одобряет.

Из всего нашего коллектива только одной Семеновне он всегда симпатизировал и покровительствовал. Очень она это ценила. Часами, как завороженная, забыв про свои тряпки и веники, слушала про его болезни. И про то, какой нынче народ разболтанный и неуважительный. В такие святые минуты Капитоныча лучше не тревожь с лифтом. Отойди, переждй, перечитай выученную наизусть стенгазету, но дай досказать до конца.

И вдруг... Нет, это было просто как снег на голову. Вдруг Капитоныча сократили. Представляете, даже стул, на котором он сиживал, беседуя с Семеновной о ревматизме и радикальных средствах от изжоги, и тот убрали. Просто пустая кабина осталась. Без присмотра, без руководства — заходи, нажимай кнопку и езжай.

Это была тревожная пора в жизни института. Нам казалось, не справимся, будем нажимать не те кнопки. Боялись, что толпы лаборантов и профессоров ринутся кататься в казенном лифте с делом и без дела, что они натаскают с улицы горы грязи, начнут курить и сорить, набиваться в кабину по десять человек сразу...

Прошел день. Прошел второй. Прошел третий. И знаете ли... ничего. Никто мимо своего этажа не проезжает, двери лифта работают исправно, кнопки все целы, и даже пол чистый.

Я просыпаюсь утром бодрым и веселым. У жены что-то пригорело, она раздраженно гремит чашками... А я шучу, я смеюсь... В вагоне метро длинноносая брюнетка наступила мне каблуком на ногу, а я шучу! У подъезда института оступился и угодил в лужу. Новым ботинком! Надо мной смеются легкомысленные лаборантки, и я смеюсь вместе с ними. Шумной толпой вваливаемся мы в двери — и все к лифту.

Не поверите, за свой рабочий день я теперь успеваю сделать вдвое больше, чем прежде. Честное слово! А что, собственно, произошло? Просто сократили лифтера.

— Да какой я вам заяц?
Просто билетов достать невозможно!

Рисунок
Е. ШУКАЕВА

— Эй, парень, есть импортные доспехи!

Рисунки Е. МИЛУТКИ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Игорь МАРТЬЯНОВ

Жалоба

— Это квартира Петуховых? — спросил представительный гражданин с желтым портфелем, когда на его звонок из двери высунулась мужская фигура в пижаме.

— Совершенно верно, Петухова,— оживилась пижама.— Проходите, пожалуйста. Вы, наверное, насчет квартиры?

— Да пришел посмотреть...

— Квартира лучше не надо,— отозвался хозяин, пропуская посетителя в прихожую.— Солнечная сторона, две комнаты, все коммунальные удобства.

— Но у вас, кажется, батареи зимой плохо греют?

— Наоборот — приходится, знаете, даже иногда открывать форточки.

— Странно... А как с канализацией — часто засоряется?

— Что вы, отродясь такого не случалось!

— Ну, а насчет соседей? Беспокоят?

— Соседи и сверху и снизу просто ангелы. Никаких беспокойств от них не испытываем.

— Так, значит, все в порядке, никаких жалоб нет?

— Какие жалобы! Я говорю: не квартира, а рай. Даже уезжать из нее жалко. Кстати, а что вы мне хотите предложить взамен? — поинтересовалась пижама.

— То есть как взамен? Ничего я вам предлагать не уполномочен.

— А зачем же тогда интересуетесь моей квартирой?

— Вынужден, такая у меня служба. Ведь вы писали месяц назад нам в жэк жалобу,— отозвался владелец портфеля, доставая из него какую-то бумагу.

— Так, значит, вы не по обмену? Что же сразу-то об этом не сказали?

— Я надеялся, что вы и так догадались. Ну что ж, очень рад, что у вас все в порядке. Распишитесь, пожалуйста, что никаких претензий уже не имеете.

И представитель жэка протянул ошарашенному квартиросъемщику его жалобу...

г. Иваново.

Наум ЛАБКОВСКИЙ

Идеальный брак

Мы с женой говорим друг другу не больше пятидесяти слов в сутки.

— Доброе утро.
— Завтрак в кухне.
— Спасибо.
— Я ухожу.
— Я тоже.
— Обедать будешь?..
— На работе.
— Целую.
— Целую.

. . . .

— Добрый вечер.
— Звонила какая-то Анна Ивановна.
— Анна Ивановна?.. Не знаю.
— Ну, может, Ганна Семеновна.
— А-а...
— Сегодня третья серия.
— Включи телевизор.
— Выключи телефон.

. . . .

— Понравилось?
— Так себе.
— Выключи телевизор.
— Включи телефон.
— Ужин на кухне.
— Спокойной ночи.
— Не шелести газетой...

. . . .

Мы современные люди.
У нас идеальный брак.
Мы не говорим друг другу ни одного обидного слова.
Только пятьдесят слов в сутки.

Иван КУЛИК

Специальный заказ

Меня всего трясло от негодования. Бросив на стол заведующего ателье только что сшитый костюм, я ткнул пальцем в его верхнюю половину.

— Что это?

— Пиджак! — напряженно подумав, ответил заведующий.

— Вот и не угадали. Это штаны.

Заведующий подозрительно посмотрел на меня и отодвинулся.

— У штанов рукавов не бывает,— неуверенно заметил он.

— Это рукава? — удивился я.— Но ведь они совершенно одинаковые.

— Одинаковые.

— Куда же это годится! А где на пиджаке пуговицы и петли?

— Как положено — спереди.

— А мне нужно, чтобы пиджак застегивался сзади. На спине. А брюки чтобы вообще не застегивались. Чтобы их можно было натягивать через голову, как свитер.

Заведующий ателье принужденно хихикнул.

— Вы всегда так шутите?

— Я не шучу. Дайте сюда мой бланк-заказ. Вот! Здесь все указано: правый рукав должен быть на 7 сантиметров длиннее левого. Лацканы должны быть сзади, а на брюках и пиджаке по пять заплат разного цвета. Где это все?

— Но мы подумали, что наш приемщик что-то напутал. Это с ним бывает, если он примет больше положенного.

— Я не знаю, какая у него норма и не желаю этого знать. У меня специальный заказ. Ваше ателье его изуродовало. Штаны я не могу надеть, как пиджак, а пиджак не могу надеть, как штаны.

Лицо директора перекосилось. Он забился в угол кабинета.

— Я сдал заказ именно в ваше ателье, а не в какое-нибудь другое, потому что знаком с вашей продукцией. Это как раз то, что мне требуется.

— Вам?

— Мне. Я клоун! Работаю в цирке.

— Клоун?! — заведующий облегченно вздохнул.— Так бы сразу и сказали. Валентина Алексеевна! — крикнул он куда-то за перегородку.— Верните гражданину один из костюмов, от которых отказались клиенты...

Авторизованный перевод с украинского Анастасии ЛОСЮКОВОЙ.

НАЧИНАЮЩЕМУ

Итак, вы обзавелись фотоаппаратом и пленкой и принялись жадно общелкивать окружающую вас действительность. И тут же, что скрывать, под вашей черепной коробкой зашевелилась честолюбивая мыслишка: а как бы это пропечататься в прессе? Что ж, стремление здоровое. Плох тот фотолюбитель, который не мечтает стать фотокорреспондентом. Всего один шаг, меньший, чем от смешного до великого, отделяет любителя от профессионала. Однако, чтобы сделать этот шажок, нужно развить в себе ряд ценных качеств. Каких же? Извольте, можем перечислить.

а) Умение подмечать в жизни новое и оперативно фиксировать это новое на пленке.

б) Чувство прекрасного, поэтический взгляд сквозь видоискатель на, казалось бы, самые обыденные вещи.

в) Счастливая способность оказаться в неповторимую секунду на месте уникального события с заряженной фотокамерой в руках.

Каждым в отдельности из этих завидных качеств обладают авторы фотоснимков, которые мы вам сейчас продемонстрируем. Глядите и учитесь, дорогой наш начинающий.

Так и дышит новизной снимок Н. Басевича из газеты «Полесская правда». В других детсадах-яслях малышей прослушивают врачи, а не сестры. А здесь медсестра, да еще новатор: она не вправляет по старинке слуховые рожки фонендоскопа себе в уши, а слушает прямо так — собственной шеей. Оригинально, свежо, прогрессивно!

На снимке: старшая медицинская сестра детсада-яслей ордена Ленина колхоза «Оснежицкий» В. В. Зубко интересуется здоровьем Аленушки.

Исполнен тонкого лиризма фотоэтюд В. Скороходова из многотиражной газеты «За технический прогресс» (г. Ново-Краматорск). И чтоб нежнее задело читательские сердечные струны, к фото присовокуплены стихи. Правда, стихи до конца ситуацию не проясняют. Идут ли эти

У мужчин, как видно,
есть секреты
Их манит парк
прохладою своей...
И пусть прекрасно
в ярком цвете лето!
Но все ж приятней нам
среди ветвей.

Фотоэтюд
В. Скороходова

трое просто так, ни о чем таком не думая, или, наоборот, соображают, чем бы это освежиться «среди ветвей», этого мы не знаем, но все равно очень душевный материальчик получился.

Поколения фоторепортеров снимали прыжки в высоту. И всегда-то главный персонаж изгибался над планкой, едва не касаясь ее спиной.

НЕОЖИДАННЫЙ РЕКОРД

А вот фоторепортеру казахстанской «Ленинской смены» удалось подкараулить неповторимое мгновение, когда спортсменка с гордо поднятой головой проскальзывает ПОД планкой. Мы показали этот снимок асам советского фото — мастерам из журнала «Огонек» Д. Бальтерманцу, А. Бочинину, Г. Копосову. Асы побледнели от зависти. «Нам такое не снилось»,— нестройным хором пролепетали они *.

М. В.

* Позднее выяснилось, что асы бледнели понапрасну. Неожиданный рекорд установил верстальщик казахстанской газеты — он перевернул вверх ногами обычный снимок...

— Проще было бы взять с собой раскладной столик...

«Сё», Швеция.

— С тех пор как мой муж вышел на пенсию, он совершенно не знает, чем заняться...

«Вумэн», Англия.

— До чего у меня умный пес,— хвастается один приятель другому.— В момент схватывает, что я от него хочу. Последнее время я пытался научить его лаять, когда ему хочется есть. Раз сто подряд сам ему показал, что надо делать.

— И он научился!

— Да. Он теперь ни за что не начинает есть, пока я не залаю.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ

Мирослав ШВАНДРЛИК (Чехословакия)

Способный мальчик

Со всех сторон только и слышишь, что у нас не хватает строителей. До того мне этим все уши прожужжали, что зашел я как-то в строительный институт и спрашиваю:

— Ну, как у вас тут дела, как готовите инженеров-строителей?

— Да помаленьку готовим,— отвечают.— Хотя, к сожалению, вакантных мест многовато...

— Да, я так и слышал,— говорю.— Вот и решил помочь вам. Так уж и быть, берите моего парня. Я,— говорю,— человек сознательный, и мне не чужды интересы отечественного строительства.

Тут они прямо ко мне, руки пожимают, благодарят, просят рассказать о сыне. Ну, я сообщил им его краткое жизнеописание. Смотрю, лица у них вытянулись.

— Понимаете, — говорят, —семь классов маловато, без аттестата зрелости принять не можем.

— Да он,— говорю,— здоровый, вы не волнуйтесь. Весь в меня. Парню только восемнадцать исполнилось, а он легко десять кружек пива выпивает за один присест.

— Это,— говорят,— конечно, впечатляет, но, знаете, без аттестата...

Пошел к приятелю в министерство просвещения.

— Теперь,— говорю,— понятно, почему у нас качество строительства хромает. Сидят там в институте всякие бюрократы. Бумажки им, видите ли, подавай! Аттестатики всякие. Крючкотворы! А мой парень на редкость способный: мало того, что десять кружек пива легко всасывает, он еще и жениться собрался. Зрелый человек. Огромным,— говорю,— уважением у соседей пользуется. Выйдет во двор — все врассыпную. Дорогу, значит, уступают. Уважают.

— Это все хорошо,— морщится мой приятель,— но порядок есть порядок. Без аттестата никак. Может, сходишь в школу?

Пошел я в школу. Директор, плюгавенький такой человечек, держу пари, и кружки пива не одолеет, как услышал имя моего парня, капельки какие-то стал себе в стакан накапывать.

— Я,— говорит,— очень хорошо его помню. Учительницу пани Пенкову, преподавательницу физики, чуть в окно не выкинул.

— Ну и что,— говорю,— если мальчик интересуется физикой или химией там какой-нибудь? Вы,— говорю,— подумайте, а я завтра с сыном приду. Да чего вы так на меня смотрите? Или вам не дороги интересы отечественного строительства?

Дома жена говорит:

— А нашего Яро опять забрали. С дружками квартиру обчистил.

— Вот так,— сказал я с тяжелым чувством,— стараешься, стараешься помочь нашим строителям, чего только не делаешь, а всякие бюрократы палки тебе в колеса. То, видите ли, бумажки им подавай, то уже и в квартиру чужую войти нельзя! Сколько парень получит? Ничего, способные ребята нужны будут и через пять лет...

Перевел В. МИХАЙЛОВ.

— А вообще как дела?

«Сатердей ревью», США.

●

— Чтобы побудить свою дочку заниматься музыкой, я подарил ей скрипку. Увы, это ни к чему не привело.

— То же самое было и у меня, когда я подарил своей теще чемодан.

●

Некий Кристенсен оказался свидетелем ограбления, и теперь в суде адвокат преступника пытается сбить его с толку каверзными вопросами.

— Так на каком расстоянии вы находились в момент так называемого преступления! — язвительно спрашивает адвокат.

— На расстоянии трех метров сорока семи сантиметров,— уверенно отвечает Кристенсен.

— Как вы можете утверждать это с такой уверенностью! — еще язвительнее спрашивает адвокат.

— А что же здесь удивительного! Я ожидал, что кто-нибудь спросит меня об этом, и на всякий случай измерил расстояние...

широт

— *Давай прощаться, Лиззи. Похоже, что папе нужен телефон.*

«Бостон глоб», США.

— *Кажется, шашлык им совершенно не понравился...*

«Бунте иллюстрирте», ФРГ.

●

Мужчина жалуется женщине:

— Кристина, я так несчастлив женат...

— А я так несчастлива незамужем...

●

— Как вы себя чувствуете, герр Майер!

— Очень плохо. Я так болен, что когда на днях мне кто-то сказал, что я умер, я этому нисколько не удивился.

●

— Синьор Тонини, вы перепутали дебет с кредитом!

— О, патрон, простите. Это произошло потому, что я певша.

●

Мальчишки хвастаются:

— А мой отец на голову выше твоего отца!

— А у моего зато живот больше!

●

— Простите, мадам, здесь живет студент Джон Доу!

— Студент! Странно, я была уверена, что он ночной сторож.

Габриэль ТИММОРИ (Франция)

НЬЮФАУНДЛЕНД

Прогоревший на бирже, окончательно разорившийся после бегства своего поверенного, захватившего с собой остатки его состояния, покинутый близкими, преданный и обманутый женой своего друга, которую так неосмотрительно взял в любовницы, Андре Жиголо, отчаявшись, решил умереть.

Но какой же избрать метод отправки на тот свет? Повеситься? Нет. У него была слишком нежная кожа на шее, так что даже после бритья часто случалось раздражение. Уксусная эссенция? Увы, он не любил чересчур острых блюд. Револьвер? С его умением стрелять он наверняка промахнется, даже засунув дуло в рот. Да и вообще не о такой банальной смерти мечтал он. Мелкое домашнее самоубийство — фи, какая пошлость! Нет, он уйдет из жизни смело, элегантно, на глазах у всего Парижа, где еще совсем недавно он считался уважаемой личностью...

Он вышел из дома ровно в два часа, одетый в английский кожаный пиджак, который так шел ему. Был чудесный солнечный день. На последние деньги он взял такси и заехал за парой великолепных кожаных перчаток. В магазине еще не знали о его банкротстве и продали ему перчатки в кредит.

Приняв беспечный вид, он неторопливо прошелся по Большим Бульварам, удачно избежав несколько раз преждевременной смерти под колесами автомобилей, и пришел наконец на мост Мирабо. Именно здесь он решил погрузиться в Вечность. Да, именно здесь. И действительно, лучше места не придумаешь: масса народа, центр города.

Мсье Жиголо посмотрел вниз. Лучше, разумеется, было бы, если б вода успела прогреться как следует, но в конце концов это не имело большого значения. Важно сразу заглотнуть как можно больше воды. Ну, пора. Легко оттолкнувшись от парапета, Андре Жиголо очутился в Сене.

Первое впечатление было довольно неприятным. Мало того, что вода была действительно безобразно холодной, ее было к тому же слишком много. Он подумал, что промокнет, и пожалел, что не захватил с собой плаща.

Тем временем толпа на берегу и на мосту волновалась. Некоторые даже аплодировали. Есть, есть еще в Париже любители и истинные ценители самоубийств! И все же нашлись невежды, которые подняли тревогу. Кто-то разбудил сержанта, который спал, опершись о фонарный столб.

Андре Жиголо заметил, что его новые перчатки пошли от воды пятнами, и решил снять их, но тут же погрузился в воду. Шляпа его, однако, погружаться не захотела и медленно плыла вниз по течению.

Зевая, сержант начал организовывать помощь. Вначале мсье Жиголо пытались бросить спасательный круг, но он развалился еще в воздухе. Спустили канат, но мсье Жиголо лишь мужественно покачал головой, отказываясь взять конец. Впрочем, если бы он и согласился, взять бы все равно не мог — канат не доходил до воды метра на три.

Публика начала волноваться. Что у нас, полицейское государство, раздавались выкрики, утопиться — и то спокойно не дадут человеку! Что за правительство!

Наконец прибыла речная полиция с огромным черным ньюфаундлендом. Собака идти не хотела, и проводник с проклятиями волочил ее на поводке. Подтащив собаку к парапету, проводник начал показывать рукой на тонущего, пытаясь разбудить собачий энтузиазм различными короткими командами. Но собака лишь зевала и отворачивалась от реки.

— Ты у меня все-таки поплывешь!— в гневе закричал проводник ньюфаундленда, поднял собаку на руки и бросил в воду.

Но нет, собака по-прежнему отказывалась плыть. Очевидно, она предпочитала утонуть, чем пойти на поводу у полиции. Такая сила характера чрезвычайно взволновала мсье Жиголо, который все еще никак не мог снять перчатки и то погружался в воду, то выныривал на поверхность. Чувство огромной симпатии к принципиальному животному охватило самоубийцу. Такая собака не должна погибнуть из-за него! Так и не сняв перчатки, мсье Жиголо подплыл к ньюфаундленду, схватил его за мокрую шерсть и начал выгребать к берегу. Через несколько минут они вышли из воды. Собака отряхнулась и тут же легла, несмотря на приветственные крики и аплодисменты публики, адресованные ей.

Что же касается мсье Жиголо, то разъяренные любители острых зрелищ схватили его и потащили в полицию, где его привлекли к ответственности за попытку самоубийства.

Перевел К. ВАЛЕРИ.

●

Встретились два приятеля.

— Знаешь, Жан, в угоду жене я бросил пить, курить, играть в карты.

— Поздравляю. Надеюсь, теперь она счастлива!

— Куда там! Всякий раз, открывая рот, она обнаруживает, что сказать-то ей нечего!

●

— Странная, однако, вещь слова. Скажите своей возлюбленной, что, когда вы смотрите на ее лицо, время для вас останавливается, и она наградит вас поцелуем. Но попробуйте сказать ей, что при виде ее лица у вас останавливаются часы!

Слова, слова...

Как ни парадоксально, но человек с камнем за пазухой имеет меньше шансов утонуть.

Фольклор лондонского Сити.

Семья без детей уже становится наследственной традицией.

Шутка месопотамских демографов.

Настоящие враги выявляются только после победы.

Руди Миль, австрийский философ.

Даже голый король становится законодателем мод.

Девиз лихтенштейнских нудистов-монархистов.

Чем пустыннее местность, тем реальнее выглядит мираж.

Из канадской монографии «Миражи в природе и жизни».

КРОКОДИЛ

№ 23(2285)

август

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: К. Аубрехт, В. Ашиманов, Н. Белевцев, М. Битный, В. Боковня, М. Вайсборд, О. Ведерников, Б. Воробьев, Е. Гаврилин, В. Гинуков, П. Козич, Е. Милутка, В. Мохов, В. Спельников, Л. Филиппова, Т. Юнан, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:

101455,

Москва, ГСП,

Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

Сдано в набор 17.07.79. Подписано к печати 25.07.79. А 07902. Формат бумаги 70×108¹/₈. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 820 000 экз. (1-й завод: 1 — 4095570). Изд. № 1792. Заказ № 953.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии Издательства ЦК КП Узбекистана, г. Ташкент, ул. «Правды Востока», 26. Тираж 5800000 (3 завод 4100001—4500000). Заказ № 1528.

СЕНАТОР ДЖЕКСОН:—Я совсем не против Договора ОСВ-2, но хотел бы поближе его изучить.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОКОДИЛ МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» Индекс 70448 Цена номера 20 коп.

— Петровна, а к тебе зритель не заходил?

Рисунок Г. ИОРША

людском море, оставшись неузнанными. А несчастный дом теперь нужно не реставрировать — строить заново.

Такие скорбные примеры можно множить до бесконечности, но и без того ясно, что джентльмены удачи наносят старым памятникам не меньший урон, чем землетрясения, наводнения и сель.

Это в центре города. О пригородах и заикаться боязно. Перепоручим это товарищу Д. Н. Кульчицкому, заместителю начальника Управления изоискусств и охраны памятников истории культуры Министерства культуры СССР, официально сделавшему такое признание:

ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА ПОДМОСКОВЬЯ НАХОДИТСЯ В АВАРИЙНОМ СОСТОЯНИИ.

КОКТЕЙЛЬ-ХОЛЛ ЗА ИКОНОСТАСОМ

В Костроме исключительно бережно и даже любовно сохраняются старинные постройки, планомерно и мощно ведется реставрационная работа. В идеальном состоянии знаменитая пожарная каланча и бывшая гауптвахта, радует глаз Ипатьевский монастырь, свежи и чисты памятники архитектуры — дома Борщова, Колодезникова и Яицеи. В центре города недавно вновь взметнулась к небесам отлично восстановленная красивая колокольня.

Тем досаднее было услышать от руководителя производственной группы областного Управления культуры Л. М. Розина следующее заявление:

— Нам подчас приходится охранять памятник не от расхитителей, а от горсовета!

Этот всхлип души вызван тем, что отцы города, даже не подумав посоветоваться со специалистами, постановили церковь Спаса в Красных рядах отдать под ресторан. Видно, захотелось переплюнуть новгородцев, устроивших в одной из башен своего Кремля общепитовскую точку с коктейлями и джазом. Башня и коктейль и джаз, наверное, выдержит. А вот в церквах, не служивших оборонительными сооружениями, никогда не было кухонь, буфетных стоек и посудомоечных отделений. Давние изографы, расписывая своды и стены храмов, никак не полагали, что их творения будут покрываться слизью от тяжкого кухонного чада, что по святым ликам потомки будут палить пробками от яблочного сидра. Кроме того, подобная метаморфоза церкви требует такого решительного вмешательства строителей, сантехников и дизайнеров, что это практически ведет к уничтожению памятника.

Впрочем, идея создания такого церковного шинка представляется мелкой и бескрылой в сравнении с многолетним использованием ценных культовых и гражданских зданий в других местах.

Вот в Курганской области круче хватанули, масштабнее. Завод «Молмашстрой» захватил под литейные цеха постройки Долматовского монастыря, чем и довел прекрасный архитектурный ансамбль до аварийного состояния. Словно чуя близкую аварию, дирекция завода без согласования с органами охраны памятников в спешном порядке заказала проект нового цеха на монастырской территории. Что и говорить, своевременное и разумнейшее решение!

Или вот древний караван-сарай в Оренбурге. Советовали же умные люди устроить в нем краеведческий музей. Нет, отдали геологоуправлению под склады и лаборатории. И теперь уж это не караван-сарай, а просто сарай. Весьма неприглядный.

«Хоть неприглядный, а все-таки стоит!» — могут утешить себя оренбуржцы. А вот главный дом усадьбы Танеева в селе Демьяново возле Клина уже не стоит. По вине совхозных деятелей сгорел бедняга в марте 1977 года. Нету теперь этого архитектурного памятника. И не выкроить из напряженного совхозного бюджета полмиллиона рублей, которые по закону должны были возместить причиненный ущерб.

Да разве измеришь ущерб одними рублями! Хамское, варварское отношение ко всякому памятнику старины — это прежде всего неуважение к своей истории. Не случайно же в нашей Конституции записано:

ЗАБОТА О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И ДРУГИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ — ДОЛГ И ОБЯЗАННОСТЬ ГРАЖДАН СССР.

СОСТЯЗАНИЕ ПАМЯТНИКОВ

А теперь позвольте коснуться одной деликатной темы и впервые в этом сочинении употребить слово «памятник» в самом узком, изначальном смысле.

Да, мы намерены пригласить вас на кладбище. На мемориальный участок Морского кладбища во Владивостоке, где имеется ряд памятников, находящихся под охраной. Это могила знаменитого исследователя Дальнего Востока и писателя В. К. Арсеньева, памятник советским воинам, погибшим у озера Хасан, памятник на братской могиле бойцов Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, погибших в 1929 году, и другие.

Когда-то композиционным центром благодаря своему архитектурно-художественному решению тут был памятник нижним чинам крейсера «Варяг» — национальная святыня нашего народа.

Об этом прекрасном памятнике приходится говорить в прошедшем времени, хотя стоит он и по сей день. Он не разбит, не украден. Он лишь тихо и мирно уничтожен другими памятниками, возникшими рядом и сведшими на нет его художественное и эмоциональное звучание. Понятно, что вокруг похоронены люди достойные, но зачем же нужно было нарушать охранную зону мемориала? Ведь теперь многочисленные экскурсанты, приезжающие почтить память тех, чей подвиг во славу Родины стал легендой, едва могут приблизиться, лавируя среди прочих надгробий. Скромная же могила Арсеньева буквально затерялась среди помпезных плит и скульптур недавнего времени.

Авторы задались было целью составить полный перечень подобных фактов, но вскоре ужаснулись и отказались от этой идеи, узнав, что лишь разработка списка памятников всесоюзного значения тянется вот уже тридцать лет!

Когда-нибудь он будет завершен, когда-нибудь благополучно кончится эта старинная история. Но нельзя же в ожидании этого светлого «когда-то» сидеть сложа руки. Тем более что все и каждый уже сейчас могут что-то сделать. И начать хотя бы с того, чтобы попросту самим уважать и беречь памятники старины. Да так, чтобы в надписи «Памятник охраняется государством» явственно читалось: памятник охраняется любовью и уважением народа.

С. БОДРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Автопо… В КОР…

Речь здесь пойдет о художнике и его портрете. А также о других произведениях. Правда, я не большой знаток живописи. Я ее люблю, но сказать, что в ней прекрасно разбираюсь, я не могу. Поэтому во всяких художественных оценках я буду осторожен. Дело ведь это тонкое и деликатное. Это пусть специалисты дают оценки.

Значит, живет в городе Касимове член Союза художников СССР Иван Сергеевич Тумаков. Выделяют ему под творческую мастерскую комнату в городском Доме пионеров. Хотя она и не совсем пригодна для этой цели, он радуется, потому что в течение многих лет живет без удобств, в тринадцатиметровой комнате. И он перетаскивает в мастерскую холсты, кисти, краски, чтобы усиленно готовиться к юбилейной выставке. Рисует, пишет. Создает наброски, этюды.

Правда, придет он в девять утра, а Дом пионеров на запоре. Соберется уйти в семь вечера, а его в пять уже уборщица гонит. Неудобно, конечно, но он приспосабливался. Хотя и просил, чтобы дверь открывали и закрывали согласно расписания пионерской работы. Как положено.

— Вы свои неприятные стороны не показывайте,— сказала художнику директор Дома пионеров Еремеева Антонина Гавриловна.— А то я вас сюда вселила, я вас отсюда и выселю.

И Антонина Гавриловна заходит в мастерскую и внимательно осматривает живописные полотна. Живопись ей эта не нравится. Особенно ее коробит картина «Утренний сон», где изображена полуголая спящая женщина средних лет. Вызывает неприятие и автопортрет художника, где он показал себя не таким, каков он есть на самом деле. Словом, спор об искусстве, непонимание, а затем взаимная неприязнь на этой почве. Антонине Гавриловне категорически не нравятся картины художника и его